

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА*

Александр Иванович Неклесса
Институт Африки РАН

В мире сегодня развиваются два универсальных процесса: глобализация и индивидуация, сопровождаемые трансформацией субъектов, объектов, ситуаций, развитием технического и технологического инструментария, мутацией политических и прочих институтов. Дальним рубежом глобализации можно считать Берлинскую конференцию 1884–1885 гг. (поводом для которой послужила ситуация, складывавшаяся в Африке), ускорившую раздел обитаемого мира в соответствии с принципом эффективной оккупации. Глобализация и связанные с нею процессы охватили весь XX в., ставший началом обширной реконструкции человеческого общежития. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное и пестрое сообщество национальных государств. Происходил индустриальный прорыв сложившихся ранее обстоятельств, демонтаж сословных перегородок. Демократизация и либерализация политических устоев сопровождались универсальной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией и, наконец, в наши дни обернулись возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Перечень, однако, не является исчерпывающим. Не исключен выбор – личностями, сообществами, государствами – подспудной либо явной версии «культуры смерти»: суммы практик разрушения цивилизации и самоуничтожения (Неклесса 2006).

---

* Статья является расширенной версией доклада, подготовленного для XXIX Международного экономического форума (3–5.09.2019, г. Крыница-Здруй, Польша).

Путь волхвов

История телеологична. Развитие социосистем не тождественно, но, по сути, аналогично генеральному эволюционному коду. Последовательное усложнение социокосмоса – результат обращения и устремленности к предзаданному идеалу. Смысл процесса – становление личности, преображение человека, освоение и отторжение среды, осознание обстоятельств, преодоление физических ограничений и биосоциальных пределов, совокупным человечеством воплощая геном истории.

Изгибы летописания сопровождаются и запечатлеваются в памяти кризисами, чреватými смутой и обретающими со временем символический статус. Привычный порядок сегодня удерживается, но усложняется, подвергается эрозии и реконструкции. Национальная государственность все теснее сопрягается с миром трансграничных сообществ, амбициозных корпораций, мотивированных лидеров, постсовременным акционизмом решительных индивидов. Очередная взрывная утопия вносит в происходящее ажиотаж, ускоряющий перемены: история беременна новизной. Трагедия 11 сентября – событие, приведшее к объявлению крупнейшей державой войны необычному противнику: рассыпающемуся, распределенному множеству радикальных мобилизационных структур, лишенных привычных признаков государственности и не обладающих регулярными вооруженными силами, – одно из свидетельств и тень происходящего переворота.

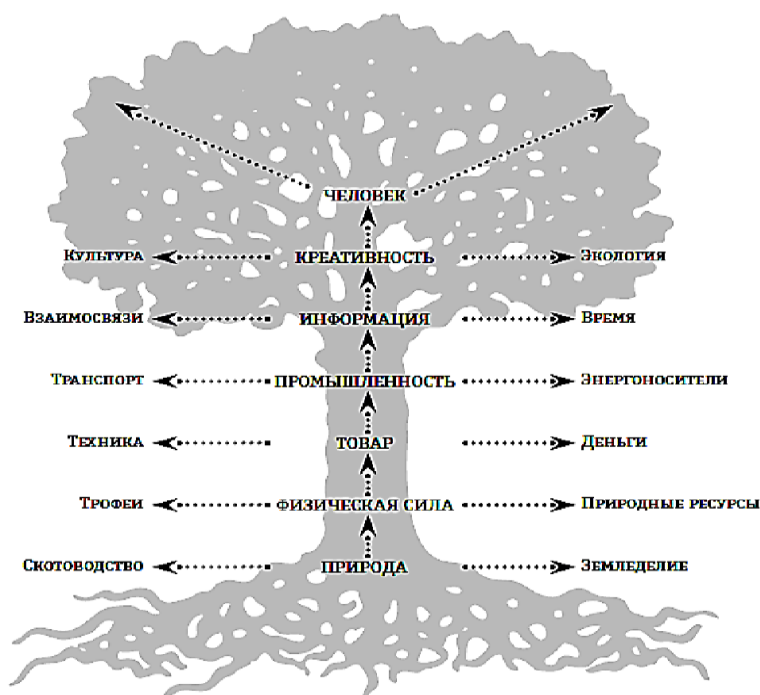
Исторические зигзаги и повороты предваряются революцией сознания: трансформацией социальной ментальности, картины мира, методов познания и действия с последующей коррекцией практики и образа жизни. Когнитивные события определяют и аранжируют историческую ситуацию. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи Аристотелевой логики основы бытия заложили фундамент новоевропейской науки (Grant 2006). Приоритет в вынесении вердикта был фактически отдан свободному от игр разума арбитру – свидетельству созданной нечеловеческим актом и потому не ограниченной рамками людской ментальности «Книги природы» (то есть эксперименту). Плоды подобного испытания – «инквизиции творения» оказались эффективным средством опознания конструкторов и гармоник мироустройства (и в этом особен-

ном качестве – не вполне осознанным побегом теологии). «Новая физика» как инструментальное декодирование естественных законов в своей глубинной сути – попытка прочесть запечатленный в творении язык и тем самым, отчасти постигнув логику Творца, приобщиться к ней, а не просто стройная комбинация разумных предположений (гипотез). Следствием данной коррекции режима знания стали представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации.

Секулярность, этот отличительный признак современности, также возникает в истории как проекция иудеохристианской концепции бытия. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» (Declaration...1776) (Томас Джефферсон), его способности к выбору, созиданию и обновлению перемалывает многие препоны, воплощаясь в психологическом самоопределении, личной ответственности, политических правах. Происходят «расколдовывание мира» (Вебер 1990), сопровождаемое индивидуацией и деконструкцией религиозного традиционализма, «дефатализация истории» (Рикёр 2002), огранка бытия. Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Бонхёффер 1994) мифологических отождествлений и традиционалистских подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих человека к прошлому, к природе, клану и идолам» (Фромм 2007). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от власти суеверий. Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности многовекового синкрезиса. Политические и юридические гарантии свободы выбора, волеизъявления и его манифестаций суть следствия подобного модуса.

Секулярность предоставляет возможность внешней позиции по отношению к сложившимся прочтениям/толкованиям кодексов мысли и действия. Установления, порожденные христианской мыслью и культурой, со временем выходят за пределы религиозной оболочки, осознаются в своей универсальной новаторской сущности и, переосмысленные под грузом трудной реальности, ее вскрывшихся обстоятельств, мрачных изъянов и скверных подроб-

ностей, воздействуют на социальные пространства, подвергая ре-визии и витализируя. Возникают атакующие мир концепции «без-религиозного христианства» (Антропов 2005), «политического бо-гословия» (Metz 1998), «нетеистического теизма» (Sölle 1995). По-иск истины, соединяясь с обретенным опытом и осваивая непри-вычные наречия, устремляется к вселенской связности. Горизонты и маршруты постсекулярности сопряжены с усложнением карт ми-ра, его запутанной морфологией, нелинейной динамикой, регене-рацией живой целостности – когеренцией бытия, личности и по-знания, предполагая способность нового человека (*homo modernus*) удерживать синергию и выдерживать это великое объединение.

Путеводная звезда истории, камертон иного – предписанный, но не сыгранный сценарий: реальность выше рациональности, смыслы глубже их вербализаций, а исполнение постигнутых прописей произвольно, подчас травматично и рекуррентно. Истина прозревается, правда же зависит от позиции и намерений наблюдателя – со-

держание событий тесно связано с их восприятием и толкованием. Персональный кризис и самопознание расчленяют коллективный сюжет, происходит «разжатие бытия» (Сартр 2000), диссипация представлений и установок: известное рождается из неизвестного, производя концепты и рецепты. Творческая реализация, личностная эмансипация, созидательные и разрушительные, влекомые как высотными границами, так и глубинными инстинктами, обостренными возможностью освоения кладовых бытия, равно как и «познания зла», сталкиваются с завораживающими перспективами, погружаясь в иллюзорный *fake-world*. И одновременно состязаются с рецидивами массового общества, консюмеризмом и популизмом.

Индустриальная оптимизация, намекавшая на общее будущее, сменяется кризисом избыточности. Происходит массовое преодоление индивидами предписанных прежней культурой функций. Этот революционный фактор, спонтанно возникающая химера, подрывает устойчивость рафинированной культуры и равновесие цивилизации. Конструктивизм современности вытесняется личностным органицизмом новой эпохи, трансgressируя формально-логичные, позитивистские интерпретации природы вещей и потока событий, отменяя поглощение особенного общим, усечение нежимаемого, экономии на невещественном, списание невидимого, игнорирование артефактов и сегрегацию апорий. Реализация промышленных ситуаций сочетается с бременем случайностей, обилием вероятностей, уводящих развитие по множеству «бурлящих дорог» (Фрэнк М. Норт). Исследование комплексной социальной реальности, вслед за переворотом в естественных науках в понимании законов макро- и микромира, испытывает затруднения с рационализацией постигаемого текста, подтекста и контекста общественных явлений, процессов и их следствий. Будущее все чаще демонстрирует свойства кодекса, не прочитываемого и не транслируемого посредством конвенциональных языков. Смысловые тропы переплетаются, обнажая порой фрактальный каскад не пересекающихся напрямую сюжетов. Лишь входя в резонанс с этой алогичной полнотой, усилие и его результат преобразуются в бытие.

Стационарный порядок разрушается, на планете рождается и утверждается пульсирующий, ячеистый строй антропосоциальных взаимодействий. Тестирование итогов современности и прогнозирование будущего преодолевают представления о должном, имею-

щем основания, но не обладающем бытием. Постсовременный ландшафт – подвижный лабиринт синхронностей, симуляций, обертонов. Стремление к деятельному разнообразию, овладению и управлению новизной со всей ее произвольной двусмысленностью доминирует над промышленной экспансией, качественные и неизмеримые характеристики – над количественными показателями, гештальт – над процедурами исчисления, репликацией и перераспределением достигнутого.

Человек расправляет крылья

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели: превращения замысла в явление; она подобна дорожной карте, где расчет маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с императивом цели, актуальными обстоятельствами, техническими возможностями передвижения и продвижения.

Особый импульс искусство стратегии получило в годы Второй мировой войны, когда организация крупных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста со множеством переменных, обнаруживая неизвестные ранее закономерности и обретая новые методы действий. В послевоенный период этот опыт развернутых в пространстве-времени боевых и тыловых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов (то есть продуктов стратегического планирования). Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а из центров подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД.

Характеристики системы нельзя полноценно уяснить и эффективно освоить, исследуя лишь структуру частей, вне контекста, без учета динамики ситуации. В 1970-е гг. заметным явлением в области социального прогнозирования становятся доклады Римскому клубу. Заявленный в них подход – активное представление будущего (Янч 1974) – базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм) (Гвишиани и др.

1997: 36–37). В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джейм Форрестером (2003).

В конце века формируются и развиваются методы социального проектирования и прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного, точечного и роевого управления, синергетики и синектики и т. д. Складывается методология анализа сложных систем и проведения комплексных операций, замещающая принцип глобальности фрактальным масштабированием, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения – эволюционной уникальностью. В условиях неопределенности и турбулентности управление событиями реализуется посредством соответствующих аттракторов, а возникающие проблемы становятся своеобразными реперными точками – опорами для восприятия и понимания иначе организованного ландшафта. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности и динамикой высокоадаптивных систем, получил Институт Санта-Фе (Нью-Мексико), основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Мир *ad hoc* предстает скорее драматичным, нежели привычным, события приобретают все более комплексный характер, следствия актуализируют причины, человек мыслит природу реальности парадоксами, эксплуатируя «привилегию абсурдов» (Гоббс 2017) и адаптируя результаты логикой. Упрощение сложного дискурса может существенно менять транслируемый смысл. Многофакторные процессы опознаются и декодируются при помощи концептов динамического хаоса, самоподдерживающегося развития, самоорганизованной критичности (Вак 1996), иницируя «новый диалог человека с природой» (Пригожин 2000) с использованием негативной диалектики (Адорно 2003), фрактальной картографии (Мандельброт 2002), деконструкции бинарных суждений (Деррида 2000), двусмысленной экспериментальной философии (Knobe, Nichols 2008), релевантности и прагматизма модельно-зависимого реализма (Хокинг и др. 2008) как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире, прохождения исторической чересполосицы, антропологического перераспределения и освоения «невыносимой сложности бы-

тия». Намечается коррекция «режима истины» (Фуко 1994), обретаются новая исследовательская позиция и перспектива, допускающие присутствие метафизических смыслов, художественных и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве. Возникает иная внятность, другой тип интеллектуальной организации с заметной примесью личностного знания (Полани 1985), меняющий координаты восприятия и понимания мира.

Будущее определяется пропорцией настоящего в текущем, интерференцией набегающих фрактальных волн – сполохами и ритмами идеальных конфигураций. Постсовременные операторы композиционно не объединены, но функционально срежиссированы: они кумулятивно продуцируют среду, в которой стратегические преимущества переходят к структурам и системам, способным эффективно действовать в ситуациях мобильности и неопределенности. Акторы нового века – не институты и учреждения в привычном понимании, но распределенные по планете успешно капитализированные пространства действия: средоточия коммуникационно-связных и универсально координируемых разноформатных объектов, акций, целей. Все это – многослойная перестройка универсума и перенастройка человеческой природы: познание преобразует и окрыляет (*knowledge is power in itself*), а характер субъекта предопределяет регистр ситуации. Трансформируются модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и конвенционального, вероятного и тривиального, меняются баланс обретений и утрат, объем возможностей и сумма рисков.

Мы находимся в процессе осознания грядущей композиции человеческой вселенной – непрерывного настоящего, конструирующего бытие: полифоничного строя перманентно динамичной организации. Интеллектуально глобальная трансформация завораживает, однако на практике, насыщаясь культурной инверсией, нравственными и прочими несовершенствами, она грозит скатыванием в «белый шум» и деструктивный хаос. Правила изменились. Вектор их постижения и применения – освоение новых территорий знания, опознание перспективных моделей управления/поведения в подвижном универсуме разрушений и реконструкций виртуальных (*de facto*) антропологических и социальных конфедераций. Это мир, где международный политический контракт – понятие отно-

сительное, нет цивилизационного суда и плодятся слабо-формализованные, лишь косвенно соединенные с национальными доменами персонажи. В информационном и творческом водовороте возникает множество головоломок: от определения функциональных прописей до представления генеральной модели – новых правил игры. Дело не только в экономическом или военно-промышленном состязании, отраженном в переговорном процессе национальных государств, – по большому счету это конструкты уходящей эпохи.

Государство и Власть

Во времена перемен приходится вести речь об основаниях, чтобы, различая тривиальное, иное и случайное, представлять смысл исторического перекрестка, экзистенциальную проблему и магистральное направление событий.

Сложный и динамичный характер постсовременной среды, порождающей траектории универсальной персонализации, режимы самоорганизованной критичности (*SOC*) и высокоадаптивные системы, способные к самоподдерживающемуся развитию (*sustainable development*), – результат эволюции социальных укладов: прохождения цивилизацией определенного маршрута. Генезис современного общества был транзитом от сословного к гражданскому статусу. Иначе говоря, продвижением от моноцентричных иерархий – персонификации источника власти в виде сюзерена-монарха или феодала – к воплощению иного, промысленного к тому времени идеала – пришествию нации как суверенного (самовластного) сообщества, процессом культивации гражданина и утверждения нового строя. Реализация замысла влекла переустройство политических институтов – реорганизацию режима производства власти, формируя конкурентную среду сдержек-противовесов и гибких общественных связей. Складывалась система «перманентного плебисцита» (Ренан 1882) и представительной демократии: «гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка» (Мэйфлауэрское соглашение) (Lewis 2015). Иницировалось восстановление человека, реставрация его естественного достоинства – извлечение личности из тяглого «трудового ресурса». Подданные переставали быть податными объектами и стано-

вились гражданами, определяющими формат и содержание органов управления суверенной властью нации.

Законодательная ветвь власти – *депутаты* (от лат. «посланный», «заместитель») являлись представителями народа, то есть проводниками соборной воли, артикулирующими ее и принимающими от лица нации законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия исполнителей, определяя также объем необходимых для эффективного управления средств, способы обретения и распределение оных. Исполнительная ветвь – *министры* (от лат. *minister* – «малой», «служитель») утрачивали подчиненность прежнему полновластному суверену, став «слугами народа». Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же своего рода *мажордом*, то есть управляющий), проходит обряд *инаугурации*, то есть принесения *вассальной присяги* своему сюзерену – народу. А за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь особым камертоном: суммой основополагающих принципов – *конституцией*. В случае же «если какая-либо форма правительства становится губительной <...>, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (Декларация независимости США).

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же делегированной власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны и обязаны информировать общество, отчитываясь в намерениях и деяниях (публичность политики, прозрачность документооборота, доступность информации). Закон не должен ущемлять право, а попытки узурпировать власть, то есть отлучить народ от нее тем или иным образом («мятеж правителей»), являются покушением на его статус сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Национальное государство – концепция, имеющая корни в европейской, христианской культуре, становясь же универсальной нормой, она воспроизводится скорописью, с той или иной мерой поспешности и успешности в других культурных ареалах. Столк-

новение асимметричных миров транслирует напряжения в историческую драматургию. XX в. был периодом обширной реконструкции человеческой вселенной: демонтаж сословных перегородок, демократизация, либерализация сопровождались универсальной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией и культурно-демографической экспансией постколониального мира. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное пестрое сообщество национальных государств. Происходящее сейчас – следующий акт исторической драмы.

«Смертный бог» (Гоббс 2017) ощутил пределы своей актуальности, фрустрирован и умирает, современный мир рассыпается на суверенные молекулы и венчурные композиции. Трансформация порядка вещей – производное от ферментов перемен: универсальности трансграничных коммуникаций и умножения генетических цепочек будущего – вирулентных модификаций настоящего, отрицающих прошлое (*new values chains*). Деконструкция отворяет и раздвигает социальный горизонт: система международных отношений расширяет фактическую номенклатуру, преобразаясь – с той или иной мерой реализации – в совокупность гибких, быстрых и разнородных мировых связей. Наряду с национальной государственностью в многоликом постсовременном космосе обретаются и состояются иные форматы властной организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и конфедерации, полимерные содружества, субсидиарные управления и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, политический конденсат идеологически/конфессионально мотивированных государств-организаций (с размытыми и динамичными границами), глобальные племена и социальные сети. Мегаполисы, кланы, ведомства, олигархи, амбициозные люди-предприятия (*manterprisers*) соучаствуют в деятельной диверсификации практики как автономные субъекты и аутсорсинговые агенты. Все они по-своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет.

Определяющим критерием эволюционного продвижения являются все же не эффекты и аффекты международных взаимодействий, но саморазвитие конкурирующих организмов: растущий положительный баланс обретенных умений и неизжитых обремене-

ний. Потенциал и результативность сообществ существенно разнятся в зависимости от геокультуры, типа организации, избранной стратегии и антропологических преимуществ. В новой среде приходится мыслить мир в динамике, руководствоваться не фактами, а тенденциями, приучаться понимать под актуальностью не то, что здесь и сейчас, но что на полшага впереди, избегая упоения скоротечным и соблазна управления прошлым.

Грядущее – кризис неясности, исход из прежних констант, экпликация «суммы предысторий» (Ричард Фейман) и столкновение с иным («скрытая угроза»). Самоопределение в обстоятельствах и самопреодоление во времени обретаются в постижениях и достижениях, пренебрегая воспроизводством конъюнктурных состояний и миром примелькавшихся личин. Не будучи настоящим, прошлое – двусмысленно, его штольни способны поглощать сознание. Пиноккио, который в отличие от Буратино не приобрел сказочное театральное имущество, но совершил подвиг преображения из куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое».

Рождение нации

В России власть мыслится посредством государства, но образуя специфическую комбинацию коллективного творчества: центробежную *диффузию власти без протокола* – парадоксальную версию *gouvernementalité* (Foucault 1991), что подтверждает значение геокультуры.

Являясь большим континентальным пространством, Россия во всех своих метаморфозах: Российской империи, СССР, РФ – не смогла подвергнуть деконструкции монополию авторитарной либо олигархической потестарности, обладающей собственным понятийно-правовым аппаратом, и воплотить в политической системе совокупность принципов современного государства (Конституция РФ 1993), даже когда пыталась их декларировать – социокультурная рецессия обращала время вспять. Ситуация усугубляется фактической пролонгацией квазиимперского статуса, отягощенного централизованным, тяготеющим к унификации управлением обширными пространствами и разнородными культурами.

В меняющихся обстоятельствах, однако, накопленные ресурсы могут оказаться обузой, а действия – превращаться в свою проти-

воположность. Для лоскутного Левиафана обилие разнородных территорий обернулось проблемами при очередной трансформации мира – продвижении к постсовременному укладу. Подобный организм, даже будучи отчасти модифицирован, испытывает затруднения, постигая подвижные прописи нового эона. Историей засвидетельствованы различные пути и способы разрешения затруднительных обстоятельств, связанных с негативными аспектами пространственного развития: форсированный генезис Австрии, Турции, непростой опыт Германии, деимпериализация Испании, Португалии, Франции. Примеры же эффективного освоения будущего с удержанием политических множеств в объединяющей рамке – федерализация выстраивавшихся с «чистого листа» Соединенных Штатов или конструирование на основе исторического наследия пестрого Содружества наций: проекты, сумевшие достичь в различных форматах сопряжения многочисленных (более 50) субъектов. Сложнее обстоят дела с идеей «Соединенных Штатов Европы» и становлением масштабной реальности Европейского союза.

У проблемы реорганизации политического тела РФ собственная специфика. И дело не только в качествах политического класса или других активно обсуждаемых реалиях. Государство – аппаратное овеществление политических и когнитивных практик, продукт декогеренции энергии власти, синтезирующая проекция и субъективация. Всевластие российского государственного аппарата, разрушающее достоинство личности, подавляющее самодеятельность общества и самоорганизацию регионов, коренится и резонирует в социальной ментальности, его определяющей: люди в своей массе не осознают себя в качестве «властного субъекта», страну же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не как «суверенное политическое сообщество».

Россия в сознании россиян – это именно *государство* (*господарство*), что фиксирует объектность людей, их подданство аппарату, а не гражданство, то есть субъектность. Источник власти понимается не как совокупность граждан, выбирающих и утверждающих направление и характер действий из конкурирующих программ, но как имманентная «властная вертикаль», причем с опрокинутым от декларированного вектором делегирования полномочий. Иначе говоря, если в современных странах *government* мыслится как подотчетные людям органы управления вверенной

им властью (*ветви*), формируемые источником власти – народом (*ствол*), то в России они артикулируются как сама власть. И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы. Другими словами, демонстрируют регресс к сословному обществу. Отсюда, кстати, вопрошающий формат «претензий к власти» (отказ от позиции самоуправления). Примерно так же обстоят дела с заявленным, но не реализованным федерализмом.

Историческая альтернатива – влиятельное суверенное общество (нация), генерируемое городской культурой: «единство непохожих» (Аристотель), осознающее себя сообществом – социальной и политической мультикорпорацией с собственным видением судьбы и ценностным канонем. Основа самодеятельного национального консенсуса – распределенное множество структур, производящих параллельно существующим конструкциям иную реальность, соединив автономию от коррумпированных «провластных» форматов с осмысленной экспансией, утверждая позитивную повестку, прививая людям осознание их прав, самоуважение, навыки свободной творческой и гражданской регуляции. Цель – создание среды, благоприятной для совместной деятельности, развития личности и коэволюции. Данная коллизия предъявляет миру моральное и конкурентное противостояние – «мужественное сопротивление злу» (King 1958), очерчивая этические рубежи в индивидуальных взаимоотношениях и шлифуя политическую грань в коллективных взаимодействиях**.

Плацдармы пробуждающейся нации – сообщества индивидов, отрицающих заповеди ветхой *территории «ку-кормления»*, готовых отстаивать, отстраивать, утверждать суверенитет *пространства личной и национальной самореализации*. Эта устремленность к перемене участи, нравственное противостояние – дух социальной эволюции и знак присутствия истории в повседневности. Граждан-

---

** Интересен в социальных и типологических аспектах опыт Подпольного польского государства – «Делегатуры правительства на Родине», эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации (Salmonowicz *at al.* 1999). Черты феномена проявились впоследствии при формировании «параллельного общества» в ПНР, а также повлияли на методы движения «Солидарность». Присутствуют они и в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной с голландским контркультурным опытом), в свою очередь, стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

ская позиция, культурный капитал, человеческие качества – за-кваска, определяющая витальность процесса и горизонт успеха. Фрагментация социума, транзитная разноголосица исключают конструктивизм партийности, равно как прежние стандарты идеологической унификации, однако публичные проекты синтезируют ситуационную мозаику, образуя конъюнктурные сопряжения (*salads*) партнеров/симпатизантов с несовпадающими установками и целеполаганием. В наступившем веке комплексные ассоциации, судя по всему, становятся перспективным форматом слагаемых политий.

Подобная социальная агломерация, истощаемая внешним и внутренним миграционным исходом, пребывает в России в затянувшихся родовых муках с неопределенным прогнозом. Новодел же сословного «господарства» при отсутствии у народа интенции самоуправления и потенции самоуважения теряет нужду в имитациях и декорациях, расплзаясь, уплощаясь в особую «дикую сословность»: синтез чиновничьего-олигархического-криминального произвола, пронизывающего «государство без справедливости» (Августин 2017: 413–427) сверху донизу. Инволюция социосистемы замещает национальную самоорганизацию режимом подавления, ведущего к цивилизационной депривации и неоархаизации. «Мерзкая мощь» (Lewis 2015) навязывает, продвигает, закрепляет посредством захваченных средств и покоренных душ эрзац-культурную, «овеществленную и омертвленную» идентичность, стремясь «истребить или сделать себе подобными» иное и глубокое (Мережковский 1944), – это морок черни, отринувшей тяготы эволюционного процесса, компенсируя специфическую немощь слиянием с мощью государственной машины.

Оказавшись под ударом, эволюция претерпевает сбой, обнаруживая симптомы антропологической катастрофы. Нравственные уроды в продуцируемой среде клонируют аморальных репликантов, карлики уничтожают и поглощают гигантов, общество же, лишенное иммунитета, травмировано, угнетено, пассивно – происходит развоплощение и ремифологизация обретенных ранее смыслов, разложение социальности.

Нация не может полноценно реализоваться и воплощать идеалы, будучи десубъективизирована и лишена достоинства. А поскольку активы и преимущества коренятся сегодня не в масштабах территории или численности госаппарата и силовых ведомств, но в

качествах личности и самодеятельности народа, порождающих инновационные конструкции и значимые перспективы, Россия все чаще оказывается «вне игры», проявляя черты уходящего в прошлое, незавершенного общества, обнаруживая себя в результате в группе проблемных стран и находя в этой же среде своих союзников.

Семантическая коррупция

Еще один дополняющий картину сюжет. Язык определяет архитектуру мышления, настраивает механизмы восприятия, параметры поведения, отражает и формирует психику, обуславливая на подсознательном уровне, что есть «правильно-неправильно», «хорошо-плохо».

Анализ российской политической лексики показывает определенный дефицит категорий, затрудняющий адекватное представление ситуаций. Скудость вокабуляра предполагает профессиональные деформации, скованность политологического дискурса – своеобразную семантическую немоту. Так, для обозначения суверенного сообщества в русском языке используются термины: *государство/держава* (о чем шла речь выше) и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. Но фактически невозможен корректный перевод таких основополагающих современных категорий, как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместилось «государством», а второе слипается с этносом, создавая смысловые ребусы и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается едва ли применимо в России, житейское подтверждение чему – ответы россиян на вопрос о национальности (в бланках при пересечении некоторых границ), которые порой ставят пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* – обозначает суверенное политическое образование как совокупность индивидов политики, имея исток в таких реалиях, как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее, от нидерландского *Staten-Generaal*). Или, как более понятное нам, – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств,

а Организация Объединенных Наций), возвращая к понятию *res publica* как «общее дело, состояние, содружество» (*commonwealth, ting, вече*). Свободная гражданская ассоциация и культурная консолидация замещают принудительное подданство аппарату. Иначе говоря, родина – не земля, а семья, суверенная страна – не система управления, режим или территория, а нация, со-организованный народ, люди.

Спутанность политологических категорий, небрежный стиль профессионального рассуждения, привычка мыслить мир прошлым, упрощать смысловое и сжимать правовое поле, сужая диапазон альтернатив, – все это характеристики российской социальной ментальности, представляющие ее *stumbling-block*. Из этого же состояния проистекает ограниченный, «технический» модус социогуманитарных дисциплин, предопределяя второсортность управленческого инструментария, стратегическую пустоту обессточенного, лишённого сложной рефлексии пространства, отсутствие внятной панорамы и дорожной карты. Процесс перемен между тем ускоряется, значение нематериальных активов, разнообразия, отлаженности социальных связей, роль людей, причастных высокому образованию и морали, возрастают. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

Мир изменился. Человечность, искушаемая калейдоскопом открывшихся возможностей, состязается с гнетом обстоятельств и притяжением утопий. Складываются гибкие антропологические кластеры, создаются изошренные социальные конструкции, понимание характера и перспектив которых – предмет углубленного анализа, рафинированного диагноза, беспристрастного прогноза. Усложнение объектов и разнообразие субъектов сопряжены с императивом управления, адекватного ритмам времени – акценты смещаются с централизованного контроля на высокоадаптивную самоорганизацию. Композиция персонализированных сообществ дискредитирует и маргинализирует прежнюю норму, порождая химеры и пробуждая вихри сопротивления. Сумма всех этих факторов определяет турбулентность транзита (Неклесса 2019).

Поезд истории меняет колею и отходит от промежуточного вокзала. Речь фактически идет о пересечении границы прежнего

зона: постсовременном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных, упрощенных и синкретичных структур, генерирующих эсхатологизм. Как результат, неизбежно рано или поздно начинающаяся в их недрах авральная перестройка рискует обернуться политической какофонией и завершиться катастрофой.

Библиография

- Августин А. 2017.** О граде Божием. Кн. 4. URL: <https://bible.by/lib/book/augustine/city-of-god-4/04/>.
- Адорно Т. 2003.** *Негативная диалектика*. М.: Научный мир.
- Антропов В. В. 2005.** Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия* 6: 58–124.
- Бонхёффер Д. 1994.** *Сопrotивление и покорность*. М.: Прогресс.
- Вебер М. 1990.** Протестантская этика и дух капитализма. В: Вебер М., *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 44–271.
- Гвишиани Д. М., Колчин А. И., Нетесова Е. В., Сейтов А. А. (Сост.) 1997.** *Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы*. М.: УРСС.
- Гоббс Т. 2017.** *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: РИПОЛ классик.
- Деррида Ж. 2000.** *О грамматологии*. М.: Ad Marginem.
- Конституция РФ. 1993.** Ст. 3.1. *Консультант Плюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
- Мандельброт Б. 2002.** *Фрактальная геометрия природы*. М.: Ин-т компьютерных исследований.
- Мережковский Д. С. 1944.** Большевизм и человечество. *Парижский вестник* 81.
- Некlessа А. И. 2006.** Культура смерти. *Азия и Африка сегодня* 2: 3–11.
- Некlessа А. И. 2019.** Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. *Полис. Политические исследования* 4: 149–164.
- Полани М. 1985.** *Личностное знание: на пути к посткритической философии*. М.: Прогресс.
- Пригожин И. 2000.** *Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы*. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».

- Ренан Э. 1882.** Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php.
- Рикёр П. 2002.** *История и истина*. СПб.: Алетейя.
- Сартр Ж. П. 2000.** *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика.
- Форрестер Д. 2003.** *Мировая динамика*. М.: АСТ.
- Фромм Э. 2017.** *Библейская концепция человека*. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.
- Фуко М. 1994.** *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сэд.
- Хокинг С., Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н. 2008.** *Большое, малое и человеческий разум*. СПб.: Амфора.
- Янч Э. 1974.** *Прогнозирование научно-технического прогресса*. М.: Прогресс.
- Вак Р. 1996.** *How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality*. New York: Copernicus Press.
- Declaration of Independence 1976.** Declaration of Independence: A Transcription. *America's Founding Documents. National Archives*. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.
- Foucault M. 1991.** Governmentality. *The Foucault Effect. Studies in Governmentality* / Ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago: University of Chicago Press.
- Grant E. 2006.** *Science and Religion, 400 BC to AD 1550: from Aristotle to Copernicus*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- King M. L. 1958.** *Stride Toward Freedom: The Montgomery Story*. New York: Harper & Row.
- Knobe J., Nichols S. (Eds.). 2008.** *Experimental Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
- Lewis C. S. 2015.** *That Hideous Strength*. Quebec. URL: <https://www.mayflowercompact.org/>.
- Metz J. B. 1998.** *A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity*. New York; Mahwah, NJ: Paulist Press.
- Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G., Śląski J. 1999.** *Polish Underground State*. Warszawa: ŚZZAK.
- Sölle D. 1995.** *Theology for Skeptics: Reflections on God*. Augsburg: Augsburg Fortress Publishing.